

Иногда
нас любят.
Но растим мы
по-разному.

НЕ СОВСЕМ БЛИЗНЕЦЫ

история одной удобной девочки

Некоторые раны
не видно.
Но они учат любить
по-другому.

VELMORA

Velmora

Не совсем близнецы

«Автор»

2026

Velmora

Не совсем близнецы / Velmora — «Автор», 2026

Не совсем близнецы Они были похожи настолько, что в детстве их часто путали. Одинаковые русые волосы. Одинаковые серо-зелёные глаза. Одинаковые черты лица. Только жизнь почему-то с самого начала обращалась с ними по-разному. Катя рано научилась не просить, не жаловаться и всегда справляться сама. Лена росла в той же семье, но словно по другим правилам. Год за годом маленькие, почти незаметные эпизоды складывались в историю, которая изменила всю жизнь одной девочки. Последний кусок пирога. Разбитая коленка. Общежитие вместо квартиры. Победы, которых никто не замечал. И привычное слово «ничего», за которым пряталось гораздо больше, чем могли увидеть окружающие. «Не совсем близнецы» — это психологическая семейная драма о том, что любовь не всегда измеряется громкими поступками. Иногда она проявляется в мелочах. И точно так же в мелочах рождается чувство, что тебя любят немного меньше.

© Velmora, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Не совсем близнецы	7
Глава 2. Девочка, которая не просила	9
Глава 3. Лена — наше солнышко	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Velmora

Не совсем близнецы

Пролог

Говорят, время лечит.

Наверное, поэтому спустя сорок лет люди так легко произносят:

— Да что ты, вам просто показалось.

Память действительно умеет сглаживать углы. Родители забывают сказанные слова. Дети учатся улыбаться там, где когда-то хотелось плакать. Семейные фотографии остаются одинаково счастливыми, даже если за кадром кто-то чувствовал себя лишним.

Сегодня вся семья снова собралась за одним столом.

Мама поставила перед гостями горячий пирог, поправила скатерть и с улыбкой сказала:

— Как хорошо, что мои девочки рядом.

Я посмотрела на сестру.

Мы до сих пор были похожи.

Те же русые волосы.

Те же серо-зелёные глаза.

Те же черты лица.

Когда-то нас даже путали.

Только никто никогда не замечал главного различия.

Её любили так, словно она была долгожданным чудом.

А я всю жизнь пыталась понять, почему для любви всегда нужно было стать лучше, тише, удобнее.

Сестра рассказывала о работе — уверенно, спокойно, с той естественной прямоотой, которая всегда заставляла людей слушать её чуть внимательнее. Разговор сам собой переходил к ней, будто она была центром комнаты. Папа кивал, мама смотрела с мягкой гордостью, гости улыбались. Я тоже улыбалась — привычно, без зависти.

Зависть требует веры в то, что тебе могли бы дать то же самое.

А я давно перестала верить.

Мама разливала чай. Перед сестрой чашка остановилась чуть ближе. Передо мной — чуть дальше. Разница была почти незаметной. Такой маленькой, что никто, кроме меня, не обратил бы на неё внимания. Но именно из таких «чуть» и состояло всё моё детство.

Я сидела рядом, и никто не замечал, что мои пальцы сжимают край стула. В такие моменты я снова становилась той девочкой, которая боялась сделать лишний звук. Не потому что была тихой — просто рядом с ней любой звук казался лишним.

Она выросла с уверенностью, что её обязательно выслушают.

Я выросла с привычкой сначала подумать, стоит ли вообще что-то говорить.

Иногда мне казалось, что она чувствует эту разницу. В её взгляде мелькала тень — не вины, а лёгкого недоумения. Как будто она пыталась понять, почему я всё время держусь чуть дальше, чем нужно. Почему мои слова звучат так, будто я заранее извиняюсь за то, что говорю.

Но она никогда не спрашивала.

А я никогда не объясняла.

Потому что объяснять — значит признать, что между нами есть трещина. А трещины в семье не любят. Их замазывают словами, фотографиями, общими праздниками. Их прячут под пирогами, под скатертями, под фразами «Как хорошо, что мои девочки рядом».

Но трещины всё равно растут. Тихо. Незаметно. Внутри.

Мама повернулась ко мне:

— А ты как, милая? Всё хорошо?

Она спросила это так, будто заранее знала ответ.

Как будто «хорошо» — единственное, что от меня ожидалось.

Я кивнула.

И вдруг поняла одну странную вещь.

Иногда время не лечит.

Оно просто учит молчать красивее.

Глава 1. Не совсем близнецы

Первое воспоминание всегда обманчиво.

Я не знаю, действительно ли оно было первым или просто оказалось самым живучим.

Мне четыре года.

Лене — два с половиной.

Мы стоим во дворе бабушкиного дома. Июль. Пыльная дорога, запах нагретой смолы и вишнёвого варенья, которое бабушка варит в огромном тазу. По двору бегают куры, где-то за забором лает соседская собака. Воздух густой, сладкий, как будто лето само варится в этом тазу вместе с вишнями.

Мы обе в одинаковых платьях — белых, с красными мелкими цветами. Мама тогда любила одевать нас почти одинаково.

— Красавицы мои, — говорила она, поправляя бантики.

Мне нравилось, что мы похожи. Я гордилась этим.

Лена была похожа на меня.

А я — на неё.

Тогда мне казалось: если мы одинаковые, значит, и любить нас будут одинаково.

Во двор вошла соседка. Она остановилась, посмотрела на нас и засмеялась:

— Ой, опять не пойму, кто из вас кто!

Мама тоже улыбнулась:

— Это Катя. Она старшая.

— Да какая разница, всё равно одинаковые.

Я тогда счастливо рассмеялась. Мне казалось, что быть одинаковыми — это что-то хорошее.

В тот день всё произошло так быстро, что я долго не могла понять, почему запомнила именно это.

Мы бегали вокруг старой яблони. Лена споткнулась о торчащий корень и села прямо на землю. Она даже не ударилась — просто испугалась. Секунду смотрела вокруг широко раскрытыми глазами, потом заплакала.

Мама бросилась к ней сразу. Подняла на руки, прижала к себе:

— Всё, всё... моя хорошая... больно?

Лена всхлипывала, уткнувшись ей в плечо. Через минуту уже смеялась. Её посадили на колени, вытерли слёзы, дали ягоду клубники. И всё снова стало хорошо.

Мы побежали играть дальше.

Наверное, я бы никогда не вспомнила этот день, если бы вечером не произошло почти то же самое.

Только теперь упала я.

Разогнавшись, не заметила камень. Коленка обожгла боль. Я расплакалась. Помню, как подняла голову, ожидая, что сейчас мама тоже подбежит.

Она подошла.

Не сразу.

Села рядом, посмотрела на разбитую коленку:

— Ну что ты...

Стряхнула песок с моего платья.

— Ты же старшая. Потерпи.

Потом взяла меня за руку:

— Пойдём, помоем.

И всё.

Не хуже.

Не грубее.

Просто иначе.

Тогда я ещё не знала слова «сравнение». Но именно в тот день внутри словно появилась маленькая полочка, на которую память начала складывать похожие случаи. Без выводов. Без обиды. Просто складывать.

После этого таких дней стало много. Совсем обычных. Настолько обычных, что никто из взрослых никогда не вспомнил бы их.

Лена засыпала у мамы на руках.

Мне говорили:

— Катя, ты уже большая, иди ложись сама.

Лене разрешали досмотреть мультик.

Мне напоминали, что завтра рано вставать.

Если конфета оставалась одна, её чаще отдавали младшей:

— Она же маленькая.

Это звучало так естественно, что я никогда не спорила. Наверное, потому что сама верила: маленьким действительно нужнее.

Только через несколько лет я заметила странную вещь.

Лена росла.

Становилась старше.

А слово «маленькая» почему-то никуда не исчезало.

В детстве любовь измеряется очень странными вещами.

Кому поправили одеяло.

Кого первым встретили у двери.

Чью поделку поставили на полку.

Кого позвали помочь печь пирог.

Взрослым кажется, что дети этого не замечают.

Замечают.

Они просто ещё не умеют объяснить.

Я тоже не умела.

Поэтому однажды решила другое.

Наверное, если я не буду плакать — маме станет легче.

Если не буду просить — ей не придётся выбирать.

Если всё смогу сама — она сможет больше времени уделять Лене.

Мне казалось, это правильно.

Так, наверное, и становятся «удобными» детьми.

Не потому что рождаются такими.

А потому что однажды начинают бояться быть лишней заботой.

Вечером мы с Леной лежали в одной комнате. Она уже спала, крепко обняв плюшевого зайца. Я смотрела в потолок. За окном стрекотали сверчки. Из кухни доносились голоса родителей. Я плохо различала слова, но слышала смех.

Дом был наполнен жизнью.

Я слушала этот смех и смотрела в темноту.

Тогда я ещё не знала, что некоторые вопросы могут жить внутри человека всю жизнь.

Я знала только один.

Если мы такие одинаковые...

Почему рядом с мамой мне всегда хочется стать тише?

Глава 2. Девочка, которая не просила

Некоторые привычки появляются так рано, что потом кажется, будто ты родился с ними. Например, привычка не просить.

Я не помню дня, когда решила стать удобной.

Не было никакого обещания самой себе.

Никакого детского «с сегодняшнего дня».

Это происходило медленно.

Так медленно, что никто ничего не заметил.

Наверное, даже я сама.

Мне было пять.

Мы с мамой пошли в магазин. Тогда поход за продуктами казался почти праздником. Большие стеклянные банки с конфетами. Запах свежего хлеба. Мороженое в морозильниках, покрытых белым инеем. Я крепко держала маму за руку.

Она остановилась возле полки с игрушками. Там висели две одинаковые куклы. Только у одной платье было голубым, а у другой — жёлтым.

Лена сразу показала пальцем:

— Хочу эту.

Мама улыбнулась:

— Хорошо.

Потом посмотрела на меня:

— А тебе какая нравится?

Я протянула руку к кукле в голубом платье.

Мама немного помолчала. Потом тихо сказала:

— Катюш... давай сегодня только Лене купим. Ты же уже большая.

Я убрала руку.

— Хорошо.

Это слово далось легко.

Наверное, слишком легко.

Домой мы шли молча. Лена всю дорогу прижимала новую куклу к себе. А я думала вовсе не о ней. Я пыталась понять, почему мне совсем не хочется плакать. Будто внутри кто-то уже заранее приготовил ответ.

«Ничего страшного.»

Через несколько дней папа принёс арбуз. Большой, тяжёлый. Он долго резал его на кухне. Мы с Леной сидели рядом и ждали.

Папа протянул ей самый красивый кусок — серединку, красную, без косточек.

Мне достался другой — с косточками.

Я улыбнулась:

— Спасибо.

И вдруг поймала себя на странной мысли.

Я не расстроилась — будто заранее знала, что так будет.

Дети очень быстро понимают правила семьи.

Только никто их этим правилам не учит.

Одни дети знают, что можно шуметь.

Другие — что нельзя.

Одни знают, что можно спорить.

Другие — что лучше промолчать.

Я знала другое.

Если очень хочется чего-то — сначала посмотри, не хочет ли этого Лена.

Если хочет — значит, это уже не твоё.

Иногда вечером мама заходила пожелать нам спокойной ночи. Целовала Лену. Поправляла ей одеяло. Потом подходила ко мне:

— Спокойной ночи.

И выходила.

Однажды я специально натянула одеяло до самого носа. Мне хотелось проверить, поправит ли она его. Она не заметила. Выключила свет. Закрыла дверь.

Я ещё долго лежала неподвижно.

Не потому что было холодно.

Просто маленькая девочка внутри меня тогда впервые поняла, что некоторые проверки лучше никогда не устраивать.

Иногда ответ оказывается большее вопроса.

В детском саду воспитательница однажды сказала:

— Катя, какая ты самостоятельная.

Я улыбнулась. Мне понравилось это слово.

Самостоятельная.

Красивое.

Почти взрослое.

Только никто не объяснил, что иногда самостоятельными становятся не потому, что очень хотят.

А потому что однажды понимают: просить бесполезно.

Иногда мама говорила знакомым:

— Катя у нас беспроблемная.

Слышать это было приятно.

Наверное.

Только позже я поняла одну странную вещь.

Беспроблемных детей не бывает.

Бывают дети, которые слишком рано понимают, что их проблемы никому не хочется добавлять к своим.

В тот вечер мы снова лежали в своей комнате. Лена уже спала. Я смотрела на потолок. И вдруг подумала:

Если ничего не просить...

тогда и отказывать не будут.

Мне было всего пять лет.

И это была первая сделка, которую я заключила сама с собой.

Не просить.

Потому что слово «нет» всегда болит дольше, чем несбывшееся желание.

Глава 3. Лена — наше солнышко

Есть вещи, в которые дети верят безоговорочно.

Что родители знают всё.

Что взрослые никогда не ошибаются.

И что если тебя любят чуть меньше — значит, с тобой что-то не так.

Мне было шесть, когда я впервые решила стать похожей на Лену.

Не внешне — мы и так были почти одинаковыми.

Я хотела научиться тому, что было у неё.

Улыбаться так, чтобы взрослые улыбались в ответ.

Лена легко разговаривала с людьми.

Ей не нужно было привыкать.

Она могла через пять минут после знакомства сидеть у соседки на кухне и рассказывать, как прошёл её день, будто знала её всю жизнь.

Все смеялись.

— Какая же она у вас открытая!

— Настоящее солнышко.

Это слово я слышала часто.

Солнышко.

Мне казалось, что оно принадлежит только ей.

Однажды к нам пришли гости.

Мама с самого утра готовила.

На столе появились салаты, пироги, хрустальные вазочки с конфетами.

Мы с Леной крутились рядом.

— Только не мешайте, — сказала мама.

Когда гости пришли, Лена сразу выбежала в прихожую.

— Здравствуйте!

Она обнимала тётю Валю, показывала нового плюшевого медведя, рассказывала, как научилась считать до двадцати.

Все смеялись.

— Какая молодец!

— Какая общительная девочка!

Я стояла возле двери.

Мне тоже хотелось что-нибудь рассказать.

Например, что вчера я сама прочитала целую страницу в букваре.

Или что научилась завязывать шнурки.

Но взрослые уже слушали Лену.

Я тихо ушла в комнату.

Никто этого не заметил.

Когда мама заглянула ко мне, я пожала плечами:

— Ничего.

Она улыбнулась.

— Ну вот и хорошо.

И снова ушла к гостям.

Тогда я впервые поняла, что иногда слово «ничего» очень удобно.

После него почти никогда не задают новых вопросов.

Через несколько дней мы гуляли во дворе.

К нам подошла соседская девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.